

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Иван – железная рука

Краски, годы и странствия художника Билибина

Алексей Кожунков

С то пятьдесят второй день осады Ленинграда, 7 февраля 1942 года. Город завален мешками с песком, золоченый купол Исаакия закрашен маскировочной сеткой, из окон Академии художеств выглядывали пулеметы, город методически обстреливала, так что можно сверять часы, дальнбойная фашистская артиллерия, бомбила авиация. А в это время дописывал свою последнюю Седьмую симфонию Дмитрий Шостакович, в подземном убежище до последнего дня не выпускал из рук кисточку Иван Билибин... В начале сентября 1941

– Наши знаменитые «пятницы», вечеринки славилась среди учащихся и особенно в академии... Было у нас все, мы были богаче миллиардеров – музыка, живопись, пение, танцы, литература и все – свое. Какие-то неистощимые Крезы молодости! До всего нам было дело, шли бесконечные споры о новой поэзии... но, конечно, главное место в разговорах занимала живопись».

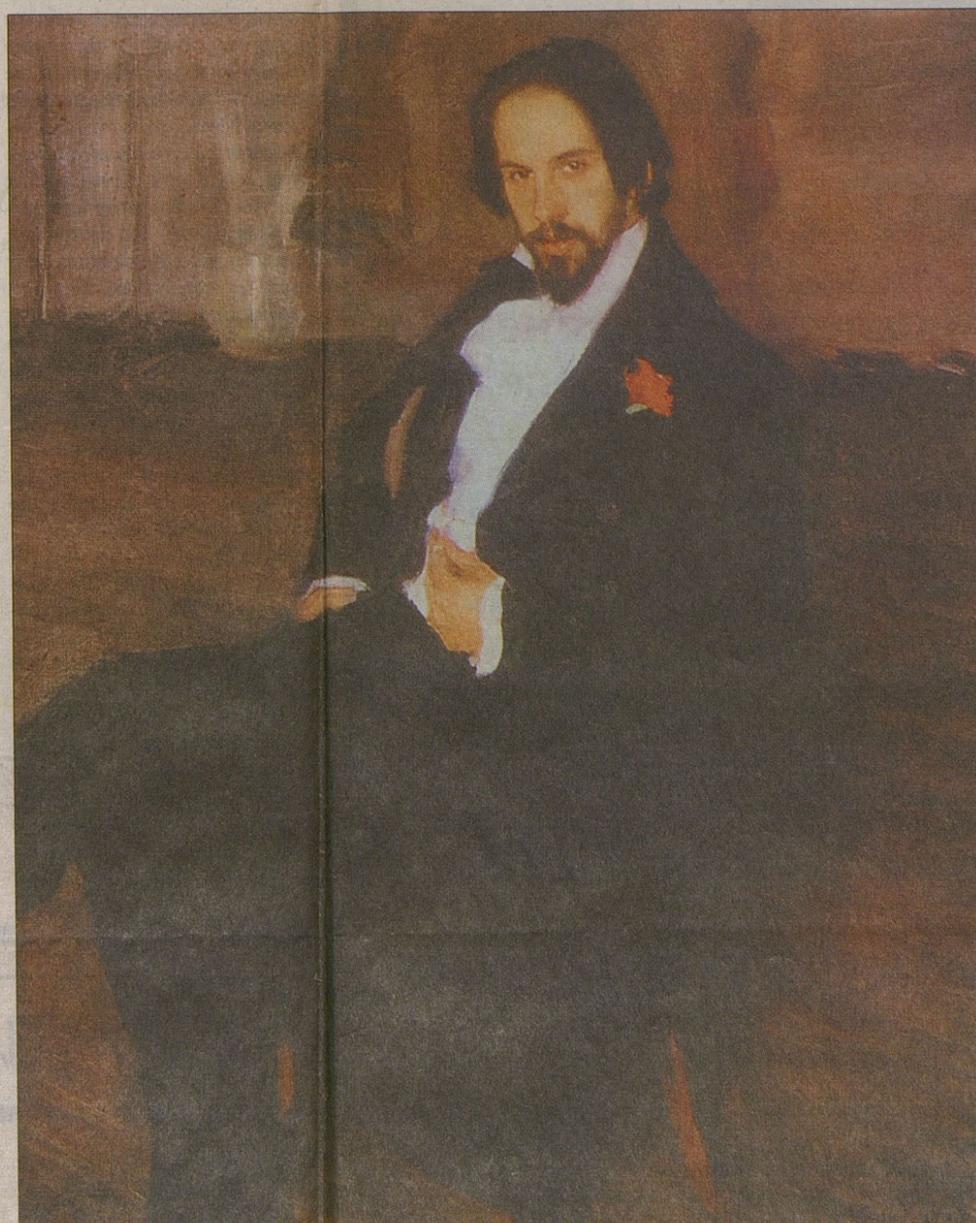
У молодых художников в чести была живопись нового толка. Большие холсты «вдумчиво, даже иногда мрачно, размазывали огромными кистями». Смелость, размашистость, быстрота исполнения, подчеркнутая, открытая живописность,

с углем в руках над каким-то очередным Антоном, и что-то с этим Антоном не клеилось: не стоял он как-то, валился; вообще что-то там было сильно наврано. Проходит Репин... Даже не остановился, а так, на ходу, ткнул куда-то в мой рисунок большим пальцем, мазнул по уголку средним, потом отгрызком угля сделал два или три резких удара, и мой Антон был спасен. Во всяком случае, это было сделано мгновенно и молча. И это был Репин!»

Билибин решил не отставать. Он не вставал из-за стола по 10–12 часов в сутки: отработывал рисунок и бесконечно тянул линию. Упорный труд принес плоды. Если дружески относившийся к Билибину А.Н. Бенуа в первое время укорял его за неудачное подражание Е.Д. Поленовой, то вскоре строгий критик уже верил в то, что «этому добросовестному и даровитому художнику удастся совершенно обособиться и создать цельные, доведенные до большого совершенства произведения». Сам Билибин свой стиль называл «облагороженным лубком».

Увлечение фольклором не могло не привести Билибина к Пушкину. Венцом десятилетнего творчества мастера стали «Сказка о царе Салтане» и «Сказка о золотом петушке». Правда, в первой упомянутой книжке виден некоторый диссонанс между иллюстрациями, сделанными в русском стиле, и листами с заметным влиянием старой японской гравюры. Но и при этих недостатках пушкинская сказка в билибинском исполнении завораживает с первых страниц.

Осенью 1907 года произошло важное событие в биографии

Б.Кустодиев. Портрет И.Я. Билибина. 1901г. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург.

Билибина. Директор Школы Императорского общества поощрения художеств Н.К. Рерих

пригласил его, бывшего ученика, занять место преподавателя класса графики, а на следующий

год и класса композиции, которые Билибин будет вести вплоть до 1917 года.

Судьба Билибина сложилась непросто. В сентябре 1917 года он уехал в Крым, где еще за несколько лет до того на кооперативных началах вместе с группой известных людей из петербургской и московской интеллигенции (в их числе были писатели В.Г. Короленко, Е.Н. Чirikov, академик В.И. Вернадский и другие) приобрел недалеко от Балаклавы участок земли. Здесь он рисовал обрывы и дикие скалы залива Батилиман, солнечную Байдарскую долину. По вечерам Билибин часто развлекал всех шутками и частушками собственного сочинения, татарским танцем «хайтарма», который превосходно исполнял. Но на душе, как видно, было беспокойно, тревожили слухи, доносившиеся из Петрограда. В феврале двадцатого он запишет: «...С волною беженцев отплываю на пароходе в неизвестном направлении».

Странствуя, Билибин много фотографировал, сделал зарисовки старого Кипра, египетских феллахов. К этому времени за ним закрепилось прозвище «Иван – железная рука». Он совершил поездки по Нилу, был в Верхнем Египте, в Долине царей, осматрел Луксорский храм, оказался одним из первых европейцев, увидевших только что открытую гробницу Тутанхамона...

Вспоминается, что многие художники, в том числе А.Н. Бенуа, бережно относились к некоторым своим работам и не желали расставаться с ними даже в самых трудных обстоятельствах, считая их как бы своей опорой. Была такая работа и у Билибина – «Пойди туда – не знаю куда»; для нее моделью красавицы послужила его жена, а прообразом Анд-

рея-стрелка – он сам в молодые годы. Но в 1929 году Билибин покинул Крым и вынужден был проститься со многими своими творениями – нужны были средства для дальнейшего существования. Нашедшийся покупатель – эксцентричный, богатый грек – настоял на том, чтобы Иван Яковлевич уступил ему и заветную акварель, случайно выпавшую из папки. «Если не отдадите, то я не возьму ничего», – безжалостно сказал меценат. Конечно, впоследствии художник жалел о, казалось, навсегда потерянных работах. Прошло несколько лет. И вот после успешной персональной выставки в Александрии он оказался с небольшими средствами в Париже и неожиданно встретил того самого грека... На сей раз роли поменялись, коммерсант испытывал большие затруднения. Билибин спросил его о судьбе акварелей. К счастью, оказалось, что грек не был простым барышником и, даже продав почти все, сохранил билибинские произведения. Он согласился вернуть художнику «его детей», но, увы, любимой работы среди них не оказалось... Прошло еще двенадцать лет, Билибин вернулся на родину. И в тот памятный день, когда он впервые переступил порог московской квартиры Е.П. Климова, ему на глаза сразу же попала эта акварель, которая висела на стене и таинственно улыбалась ему, довольная своим местом. Собиратель получил ее в обмен на другие рисунки у жившего в Москве на Таганке художника Кузнецова. Долго стоял потрясенный Билибин перед своей работой, потом очнулся и рассказал эту историю...

Билибин с его точечными рисунками и аккуратно крашеной живописью упорно не поддавался общему течению

года, когда кольцо еще не полностью сомкнулось вокруг Ленинграда, нарком просвещения предлагал Билибину эвакуироваться в глубокий тыл. «Из осажденной крепости не бегут, – ответил шестидесятишестилетний художник, – ее защищают...»

А за много лет до того в частной художественной мастерской, руководимой Илей Репиным, кипела и бурлила яркая жизнь. «Наши ученические годы в «Тенишевке» проходили как-то удивительно лучезарно, – вспоминал товарищ Билибина по мастерской В.Левитский.

пренебрежение точным рисунком, который неустанно проповедовал Репин, у многих считались неслучайным признаком новаторства в искусстве. И на этом фоне Билибин со своим лакированным ящичком, с маленькими тюбиками тонкотертой краски, со своими точечными рисунками и аккуратно крашеной живописью был удивительно ярко заметен и упорно не поддавался общему течению.

«Я помню, – писал он через много лет, – такой случай со мной в академической мастерской Репина. Я сутубо трудился